

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ
ЛИТЕРАТУРА

РЕФЕРАТИВНЫЙ ЖУРНАЛ
СЕРИЯ 7

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

4

издается с 1973 г.
выходит 4 раза в год
индекс РЖ 1
индекс серии 1.7
рефераты 96.04.001-96.04.014

МОСКВА 1996

прозаиком Иво Андричем, который "по справедливости считается в ряду лучших югославских прозаиков". Его книги возникли не из беспочвенных интеллигентских раздумий, а из страданий, "из кипения жизни и порыва чувств". Писатель "хотел служить истине".

Известный деятель эмиграции Глеб Струве печатал в еженедельнике стихотворения, активно выступал как литературный критик, писал преимущественно о получившем признание в русском зарубежье молодом поколении прозаиков и поэтов (В.Сирин, Н.Туровеков и др.). Периодически выступал с "Заметками о стихах", отличавшимися доброжелательным тоном и в то же время критической остротой оценок.

Е.Ф.Трущенко

96.04.012. ЛИТЕРАТУРА "ВТОРОЙ ВОЛНЫ" РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Вторая мировая война породила поток русских эмигрантов. По далеко не полным данным, к 1952 г. только в Европе было 452 тыс. перемещенных граждан СССР. В период с 1941 по 1950 г. 548 тыс. русских эмигрантов прибыло в Америку (The Encyclopedia Americana: International Edition. - N.Y., 1993. - Vol. 37. - P. 525.).

Во "второй волне" русской эмиграции было немало людей, посвятивших себя литературному творчеству. Среди них поэты Иван Елагин, Ольга Анстей, Дмитрий Кленовский, Борис Нарциссов, Игорь Чиннов, Валентина Синкевич, поэты и прозаики отец и сын Марченко (взявшие себе псевдонимы Николай Нароков и Николай Моршен), Сергей Максимов, Владимир Марков, Борис Филиппов, прозаики Леонид Ржевский, Владимир Юрасов, Борис Ширяев и многие другие. С "первой волной" новых изгнанников объединяло политическое напряжение советской реальности, горечь изгнания и связь с древлющинной культурой. Если беженцы первых послеоктябрьских лет испытали ужасы революции и гражданской войны, то на долю эмигрантов "второй волны" выпали или

сталинский ГУЛАГ (Б.Ширяев, Н.Нароков, С.Максимов), или ощущение "вины" за свое происхождение, страха за будущее (Д.Кленовский, И.Елагин, Н.Моршен, О.Анстей).

Первыми, послереволюционными, эмигрантами "вторая волна" была признана за свою. Более того, многие из писателей "первой волны" оказывали помощь младшим коллегам. Постоянный интерес к литературной молодежи проявляли Б.Зайцев, Тэффи, Г.Газданов, Г.Адамович, Г.Иванов. На Западе опубликована переписка Г.Иванова с В.Ф.Марковым (Odojevceva I., Ivanov G. Briefe an Vladimir Markov, 1955-1958. - Köln-Wien, 1994), из которой видно не только то, как под воздействием Г.Иванова мужал талант его корреспондента, но и пристальное внимание мэтра к "племени молодому, незнакомому" (Г.Иванов пишет В.Маркову о Н.Нарокове, Н.Моршене, И.Елагине и многих других). Встречи с Буниным и письма классика оказали влияние на прозу Л.Ржевского. Много и доброжелательно писал о литераторах "второй волны" Р.Гуль. Именно он "благословил" в "Новом журнале" первые книги Н.Нарокова (№ 33) и Л.Ржевского (№ 4, № 65); заметил рассказ С.Юрасова "Враг народа" (№ 30), переросший затем в роман; высоко оценил стихи молодого И.Чиннова. Творчество Н.Моршена и Б.Нарциссова получило поддержку И.Одоевцевой.

Второй родиной для русских эмигрантов 40-50-х годов стали сначала Германия (преимущественно Мюнхен и его окрестности), затем (для большинства) Америка.

В Мюнхене находились многочисленные организации русских эмигрантов: Национально-трудовой Союз (НТС), Центральное объединение политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ), радиостанции, вещавшие на Россию. В Мюнхене активно функционировал Институт по изучению истории и культуры СССР, печатавший работы многих русских эмигрантов. Здесь начал выходить в 1946 г. "журнал литературы, искусства и общественной мысли" "Грани". В 1951-1954 гг. в Мюнхене издавался журнал литературной критики (альманах) "Литературный современник". В

1958 г. в издательстве ЦОПЭ вышел сборник-антология "Литературное зарубежье" с произведениями практически всех тех, кто потом определял развитие литературы "второй волны". То же мюнхенское издательство выпустило 15 номеров альманаха "Мосты". В 1959 г. на страницах "Граней" (№ 44) была опубликована антология поэтов обеих волн (сост. Ю.Терапиано), позднее вышедшая отдельной книгой "Муза диаспоры" (Франкфурт-на-Майне, 1960).

Что касается Америки, то наряду с продолжавшим выходить "Новым журналом", охотно печатавшим писателей "второй волны", здесь существовало несколько крупных издательств русской книги. В том числе издательство имени Чехова, опубликовавшее в 1953 г. антологию "На Западе" (сост. Ю.Иваск), куда вошли стихи О.Анстей, И.Елагина, О.Ильинского, Д.Кленовского, В.Маркова, Н.Моршена, Б.Нарциссова, Б.Филиппова, И.Чиннова. В 1966 г. поэтесса Татьяна Фесенко составила и издала антологию "Содружество: Из современной поэзии русского зарубежья" (Вашингтон, 1966). Позднее объединяющим поэтов и художников "второй волны" стал продолжающийся и сегодня альманах "Встречи" (с 1977 по 1982 г. "Перекрестки"), редактируемый поэтом Валентиной Синкевич. В 1996 г. вышел юбилейный 20-й номер этого издания, на страницах которого теперь встречаются поэты и художники второй и третьей эмиграции, а также и писатели, живущие на родине. Событием литературной жизни стала собранная все той же неутомимой В.А.Синкевич антология стихов поэтов второй эмиграции "Берега" (Филадельфия, 1992).

По единодушному мнению критики, наибольший вклад в развитие русской литературы "второй волны" принадлежит именно поэтам.

Характерно, что почти все они начинали с политических и часто сатирических стихов. Иван Елагин в стихотворении "Амнистия" проклинает убийц своего отца. Ему же принадлежат "Политические фельетоны в стихах. 1952-1959" (Мюнхен, 1959). Николай Моршен в стихотворениях "Тюлень" и "Вечером 7 ноября"

своего первого сборника противопоставляет человека тоталитарному обществу. В.Юрасов пишет вариацию на тему поэмы А.Твардовского "Василий Теркин", герой которой рассказывает о советских концлагерях, о нищенской пред- и послевоенной жизни деревни, высмеивает партийных руководителей. В эмиграции поэтам хотелось прежде всего освободиться от давящей атмосферы прежней жизни, и лишь затем они обращались к более объективному и философски глубокому изображению реальности и своих переживаний.

Если Дм.Кленовский, едва оказавшись на свободе, сразу стал писать о радостях земли, то у большинства поэтов освобождение затягивалось надолго, налагая на стихи пессимистический и даже трагический оттенок. Однако с годами социальные темы почти у всех крупных поэтов "второй волны" все чаще переходили в философские, а мировосприятие обретало как бы пушкинскую гармонию.

Это видно, в частности, из сопоставления названий сборников. У Елагина: социально-биографическое "По дороге туда" (1947; 1953) сменяется философским "В зале Вселенной" (1982); у Моршена социологизированный сб. "Тюлень" (1959) вытесняется космологическим сб. "Эхо и зеркало" (1979) и лирико-философским циклом "Умолкший жаворонок" (1996).

Ярким примером подобного пути служит творчество Валентины Синкевич (род. 1926). В 1942 г. она была принудительно отправлена на работы в Германию. После войны находилась в лагере для перемещения лиц, а в 1950 г. переселилась в США.

На ее первый сборник "Огни" (1973) откликнулись рецензиями И.Одоевцева и Ю.Терапиано. Ей принадлежат сборники стихов "Наступление дня" (1978), "Цветение трав" (1985), "Здесь я живу" (1988). Все они вместе с циклом "Новые стихи" вошли в итоговую книгу "Избранное" (Филадельфия, 1992).

В своем творчестве В.Синкевич проделала путь из одиночества (среди поэтических образов ее первой книги - туман, медленно плывущая река, "топкая гладь души", "души бетонная гладь", "задохнувшаяся улица") к приятию мира, утверждая, что нельзя

жить, "не заметив узорчатость платья / мотыльков, и зверей и деревьев, / Всей земли нашей крепкое братство: / шерсть, и листья, и травы, и перья - / золотое наше богатство!" ("Прохожему").

Поздние стихи В.Синкевич пронизывает чувство сопричастности поэта ко всему происходящему ("Может в этом есть нечто странное..." и др.).

Если в ранних стихах поэтесса звучал "плач по зверю", то в позднем своем творчестве она утверждает возможность "сплава зверей с людьми" ("В тесном доме моем находят приют звери и люди...").

Силу для утверждения умиротворенности, почти невозможной в трагическом XX столетии, поэтесса черпает из веры в Слово ("Вокруг чужая речь, своя ли..."), в "стихо-творение" ("Пора принять нам свой "жребий..."). Сквозные образы поэзии В.Синкевич - "костер", "звезда" и "книги". Именно они придают ее стихам суровый оптимизм и философскую глубину ("Огонь" и др.).

В этом стихотворении почти каждое слово несет несколько смыслов, синтаксис и ритм сознательно затруднены. Чтобы напрячь, активизировать читательское восприятие, поэтесса в позднем творчестве усложняет синтаксис и ритм, порой пользуется белым стихом, "не заботясь, чтоб стих был гладок и голос красив".

Подобный путь проделал и Владимир Марков (род. 1920), совместивший в себе талант выдающегося литературоведа, критика и поэта. Знаменательно, что, составляя свой итоговый сборник "Поэзия и одностроки" (Мюнхен, 1984), мэтр предварил первую часть (полностью повторяющую книгу 1947 г.) грустным эпитафием из "Осени" Р.М.Рильке ("Кто без жилья - уж поздно строить дом, / Кто одинок - тому им оставаться..."). Во вторую часть вошли его поздние стихи, "Гурилевские романсы" и "Поэма про ад и рай", а также "Одностроки"; эпитафием служит цитата из "Ночного часа" Брокмайера, заканчивающейся словами: "Бог придет сейчас".

Сборник "Поэзия и одностроки" открывается стихами 1947 г., где поэт называет себя "последним в мире трубадуром" и утверждает,

что "Наверно, кто-то очень неумелый / Играет упражненьем нашу жизнь" ("Сумерки"). В своих ранних стихах В.Марков не только "не в силах снять с души нагар", но и рифмует жизненную "роль" человека со словом "боль" ("Неразделенная минута"). Даже на ласковой земле Италии душа лирического героя Маркова "слепа, душа глуха: / Нет чувства, нет мыслей, нет желаний" ("Весной и солнцем дышит грудь..."). В стихотворении "Там, где прекращается живое..." поэт испытывает "боль без облегченья, / Злобу на земную слепоту". Он "убегает в выдумку от боли", ему "жутко на земле" ("Мы стоим у притворенной двери").

Однако по мере развития лирического сюжета книги в ее герое пробуждается любовь. Поэт даже вступает в полемику с Тютчевым, видевшим в ночи таинственный ужас. У Маркова - напротив "Днем все бестрепетно, все грязно, все понятно", зато "Ночной поток, сверкающий агатом, / Течет сквозь душу тысячами струй; / На цыпочках, в волнении, каждый атом / Привстал принять у ночи поцелуй".

Заключительные стихотворения сборника "Поэзия и одностроки" говорят о преобразовавшей лирического героя любви. "Мы много лет и стран пройдем с тобою", - обращается он к любимой. - "И скажем мы: Жизнь все-таки красива". Книга завершается стихотворением, полностью отрицающим начальный посыл поэта: "Всюду есть то важное, простое, / Чего никто не замечал. / А коль заметишь ты случайно где-то - / Молчи и никому не говори, / Возьми с собой и из находки этой / Жизнь незаметной сказкой сотвори".

Прославление жизни, любви и природы составляет содержание "Гурилевских романов" (1951) В.Маркова, соединивших наше время с эпохой декабристов. Поэмы написаны редким по ритмическому рисунку хореем (в четырех стопах только два ударения на первой и третьей стопе).

Нет возможности характеризовать всех достойных внимания поэтов "второй волны" русского зарубежья, тем более, что их книги

практически недоступны не только широкому читателю, но и специалистам. Ограничимся перечнем имен авторов, чье творчество ждет своих исследователей: Игорь Чиннов (1909-1996), Олег Ильинский (род. 1932), Татьяна Фесенко (1915-?), Вячеслав Завалишин (1915-1995), Иван Буркин (род. 1919).

"Вторая волна" дала достаточно высокий всплеск и прозаического творчества.

Если предметом повествования писателей "первой волны" русской эмиграции была дореволюционная Россия, то писатели "второй волны" обогатили литературу рассказом о жизни родины в преддверии второй мировой войны и непосредственно в годы войны. В отличие от советских авторов героями своих книг они делали людей, в силу тех или иных причин не нашедших места в советской жизни: интеллигентов, не принимавших жестокостей тоталитарного режима; крестьян, разочаровавшихся в колхозной действительности; репрессированных в разные годы рядовых граждан России. Эпоха, воспринимаемая почти всеми советскими писателями как исключительно героическая, под их пером становилась трагической.

Типологически общим для прозаиков "второй волны" является преодоление идеологической зашоренности и страха, обретение героем общечеловеческой (христианской) нравственности. Однако до этого персонажу зачастую предстояло пройти тернистый путь страданий, испытаний, метаний "между двух звезд", как метко назвал одну из своих повестей Леонид Ржевский (1905-1986).

В сложном положении оказываются герои повести Л.Ржевского "Девушка из бункера", рассказов Б.Филиппова "Духовая капелла Курта Перцеля", "Gott mit uns", "Счастье", повестей Б.Ширяева "Ванька вьюга" и "Кудеяров дуб": им равно чужды идеи фашизма и сталинского тоталитаризма, приносящие зло простым людям, всему русскому народу.

Между родиной и чужбиной мечется Федер Панин - герой романа В.Юрасова "Параллак" (первая часть под названием "Враг народа" опубликована в 1951; отдельное издание романа из трех

частей - в 1972); герой не принимает ни "всеобщего рабства", ни внедряемой сталинским режимом идеи "Великого Страх" как двигателя прогресса. "Здесь дышать нечем!" - так Панин объясняет свой побег за рубеж. Тема преодоления страха и воскресения человека, проходящая почти через всю литературу второй волны русской эмиграции, характерна и для романа В.Юрасова (не случайно вторая часть романа названа "Страх"). В романе с большой художественной силой показано проникновение страха в лагерь советских военнопленных, ожидающих репатриации на родину. Трагична сцена насильственной отправки русских военнопленных на родину (глава "Платтлинг"), завершающаяся авторскими словами: "Небо плакало мелкими старушечьими слезами". И все же писатель не верит в возможность порабощения русского народа. Не все отправляемые одержимы страхом. Символом сопротивления звучит песня, исполняемая одним из эпизодических персонажей романа и его друзьями: "Не к лицу нам покаянье, / Не пугает нас огонь, / Мы бессмертны! До свиданья!".

Сюжет романа "Параллакс" включает в себя передвижения Федора по Германии и его друга Василия Трухина по России; их многочисленные встречи (с русскими военнопленными и узниками ГУЛАГа, советскими и американскими боевыми офицерами и разного рода чекистами вплоть до всемогущего генерала Серова) придают роману социальную широту и размах, позволяют увидеть одни и те же события с разных точек зрения. Слово "параллакс" и означает, видимое изменение положения предмета (тела) вследствие перемещения глаза наблюдателя.

Роман "Параллакс" как человеческий документ и как произведение искусства выходит за пределы России и живо ставит глубокие вопросы судьбы человека, истоков его духовных сил. Сам В.Юрасов в предисловии к роману утверждал, что книги писателей-эмигрантов, в том числе и его "Параллакс", помогут преодолеть трещину - пропасть, разделившую людей на разные лагеря.

Идея духовной стойкости и преодоления страха пронизывает творчество Сергея Максимова (1916-1967). Писатель оказался в оккупированном немцами Смоленске, откуда попал в Германию. После войны жил в Гамбурге, печатался в "Гранях", где опубликовал роман "Денис Бушуев" (1949), полемизирующий с шолоховской "Поднятой целиной". Переведенный на немецкий, английский и испанский языки, роман принес писателю широкую известность. За многочисленными любовными коллизиями и полудетективным сюжетом убийства Мустафы Ахтырова встает трагическая судьба председателя колхоза Алима Ахтырова, сначала всей душой поверившего в коллективизацию, затем жестоко разочаровавшегося в ней; не желая жить во лжи и страхе, он кончает жизнь самоубийством. В романе дан яркий национальный характер русской женщины Манефы, выразительно написаны портреты деда Северьяна и сорокалетнего молчуна Гриши Банных. Вместе с тем автору не удалось органически синтезировать жанр любовного и социального романа; невыразительным получился и главный герой, чьим именем назван роман. Крупные жанры не давались С.Максимову.

Подлинным мастером он проявил себя в рассказах сборников "Тайга" (1952) и "Голубое молчание" (1953). Рассказы книги "Тайга" повествуют о системе ГУЛАГа, о трагедии ареста, допросов и предательства друзей ("Одиссея арестанта"), об ужасах этапов, когда в трюм парохода загоняют три тысячи человек, а в камере пересыльной тюрьмы вместо положенных 25 человек мучаются 107 ("На этапе"). Рассказы об убивающем труде ("Пианист", "Стошестидесятый пикет"), о трагедиях и издевательствах над людьми ("Одна ночь", "Княжна", "Забава") соседствуют с повествованиями о "счастливых" и трагикомических днях арестантов ("В театре", "Счастье").

С.Максимов, писал рецензент о "Тайге", "умест в нескольких штрихах дать яркий, законченный тип, нарисовать картину, создать цельность и незабываемость. ...Крохотные черточки врезаются в

память... Все рассказы - жуткие, сильные, яркие" ("Литературный современник". - Мюнхен, - 1952. - № 4. - с. 35).

Философско-драматическую основу конфликтов составляет мысль о борьбе животного и человеческого в экстремальных условиях. Противоречие между высшим смыслом бытия и повседневностью придает рассказам трагический оттенок.

И тем не менее от первого рассказа "Прохожая" до последнего "Прокаженный" лейтмотивом остается мысль о тяге человека к свободе, о нравственном преодолении страха. Не захотела сбежавшая из лагеря женщина вернуться в несвободу - застрелилась ("Прохожая"). Выбор побега и смерти вместо унижений и рабства делает Митька-Пан ("Пианист"); голодный охранник морга выбрасывает буханку хлеба, полученную от циников-сластолюбцев ("Одна ночь"); борьбу вместо смирения выбирает герой рассказа "Прокаженный", уже после освобождения надерзавшей секретарю горкома партии. Не воспринимается как поражение и согласие княжны стать любовницей негодая: она жертвует собой ради немощной матери, находящейся в лагере ("Княжна"). Даже театральный спектакль, поставленный заключенным, воспринимается как протест против режима.

С "Тайгой" С.Максимова во многом перекликаются "лагерные" рассказы поэта, прозаика и литературоведа Бориса Филиппова (1905-1991). Закончив два ленинградских института (восточных языков в 1928 г. и промышленного строительства в 1936 г.), Б.Филиппов в 1936 г. был арестован и отправлен в ГУЛАГ. Освободившись в 1941 г. оказался в оккупированном немцами Новгороде и в конце Второй мировой эмигрировал в Германию. Сотрудничал в "Гранях", "Возрождении", "Новом журнале", в русских газетах. С 1950 г. жил в США: работал для "Голоса Америки", преподавал в университетах.

Наряду со своими книгами (почти 30) издавал в сотрудничестве с другими славистами собрания сочинений А.Ахматовой, М.Волошина, Н.Гумилева, Е.Замятина, Н.Клюева, О.Мандельштама, Б.Пастернака и др.

Если С.Максимова привлекают сюжеты повседневной жизни узников ГУЛАГа, то в поле зрения Б.Филиппова чаще попадают события необычные, драматические. Писательское кредо Б.Филиппова выражено в рассказе "Счастье" в наставлении одного из зеков начинающему прозаику Андрею, от лица которого написано большинство произведений писателя: "Не перечерните только, дружище: жизнь и так уже достаточно темновата, не стоит ее сажей замалевывать, а даже и в среде гепеушников встречались великие чародеи и неплохие, в своем роде, человеки".

"Человеки" в их многообразном отношении друг к другу и к жизни и составляют главный интерес писателя. В каждом рассказе нарисованы люди яркие, самобытные, принадлежащие к разным сословиям и национальностям. Писателю удается создать не только внешние портреты, но и привычки, передать манеру речи персонажей. При этом весьма часто используются и юмористические детали, штрихи. Условия лагеря, неволи вносят в бытовые ситуации трагический оттенок, ведут к разрушению норм жизни. И финалы становятся более жуткими от того, насколько подробно и юмористично показана повседневная жизнь. После исчезновения хозяина умирает "от тоски" его любимица Пеструшка, погибает кот ("Курочка"). Рассказ о том, как в песнопении Воскресенья объединились в общем порыве православные, иудеи и даже чукотский шаман, "обильно вымазавший и пасхой, и мясом, и яйцами обоих идолов" своей веры, завершается трагически: "неприметный, худой и сутулый местечковый раввин и тишайший о.Агафангел были осуждены выездной сессией суда Коми АССР за лагерную пропаганду и расстреляны". ("Несть еллин ни иудей").

И все же в финале (а иногда и в пейзажных зачинах) каждого из лагерных рассказов утверждается мысль о продолжении жизни. "Курочка" завершается тем, что один из персонажей нашел и выкупил шапку, сделанную заключенными-китайцами из kota, и порусски помянул животное: "Тоже ведь тварь Божия". Большой части участников празднования из рассказа "Несть елина ни иудея"

"удалось как-то выкрутиться"; и находится человек из "вольных", который предупреждает одного из уцелевших, чтобы тот был впредь "поосторожней".

Позднее писатель вновь обратится к лагерной тематике в новеллах "В тайге" и "Любовь" (1965), "Мотив из "Баядерки" (1970), "Радость" (1971). Все четыре произведения отличаются от ранних предельной краткостью, но сохраняют характерную для творчества Б.Филиппова приверженность к сложным характерам, передают его благославление жизни как крестного пути к добру и любви. Не случайно в итоговом прижизненном "Избранном" (Лондон, 1984) эти рассказы помещены под общим заголовком "Кресты и перекрестки".

В этот же цикл писатель включил и один из первых своих рассказов "Духовая капелла Курта Перцеля" (1946). Сюжет составляет воспоминание повествователя о том, как добродушные в быту немецкие солдаты сожгли русскую деревню. Писатель не принимает объяснения, которое в конце рассказа дает один из побывавших в русском плену немцев: "Виноват международный империализм. И наш, и советский, и капитал Америки, Англии". Б.Филиппов убежден, что каждый должен нести в себе нравственные понятия. Не случайно среди вакханалии убийств в псковской деревне, описанных писателем с натуралистическими подробностями, нашелся "хмурый Ганс Герман", который якобы не заметил, "когда у него из-под носа ушли какой-то статный парень со ссадиной на лбу и молодайка с девчонкой-двухлеткой на руках".

В новеллистике Б.Филиппова рассказы об эмиграции соседствуют с жизнеописаниями советских людей в довоенную пору, с "Преданьями старины глубокой" (1971), с короткими рассказами о детстве ("Из записок Андрея").

Далеко не все, созданное писателями второй волны, было высокохудожественно. Порой пристальный интерес русского зарубежья и иностранной критики вызывали книги идеологически ангажированные, художественно слабые или противоречивые.

В 1945 г. в Мюнхене вышло ротаторное издание книги Анатолия Дарова "Блокада". Произведение давало яркие сцены жизни блокадного Ленинграда. В 1953 г. Даров переписал роман и на протяжении ряда лет публиковал его в "Гранях" (Мюнхен) и "Возрождении" (Париж) под названием "Солнце все же светит". Книга была переведена и довольно широко распространена французским издательством "Галлимар"; ее вновь опубликовала газета "Новое русское слово" (Берлин). Наконец, в 1964 г. книга вышла в Нью-Йорке в издательстве "Rausen Publishers". Однако никакой художественной ценности она не представляет. Ее герои - молодой поэт Саша Половский и его друг красавец и любимец девушек Дмитрий Алкаев - ведут бесконечные, вялые и малосодержательные беседы. Жанр хроники лишил роман действия.

Еще сложнее обстоит дело с творчеством чрезвычайно одаренного Бориса Ширяева (1889-1959), с 1945 г. и до последних дней жившего в Италии. Он написал очерки "Ди-Пи в Италии" и "Светильники Русской Земли" (оба: Буэнос-Айрес, 1953).

Наиболее цельная книга писателя - "Неугасимая лампада" (Нью-Йорк, 1954; в России издана в 1991. - М.: "Столица"); в ней рассказывается о Соловках от Петра Первого до советского концлагеря. Выразительные портреты соловецких узников (от уголовной шпаны до иерархов церкви) чередуются с легендами и преданиями. Само название книги идет от легенды о Схимнике, со смертью которого не погасла Неугасимая лампада Духа. В финале автор утверждал: "Через Смерть к Жизни - тайна Преображения".

Более противоречивы собственно художественные произведения писателя. По замыслу Б.Ширяева, все его вещи составляют цикл "Птань" (сам автор называл его "хроникой") из пяти повестей о жизни казаков села Масловка (под Тулой) преимущественно в период второй мировой войны: "Последний барин" ("Возрождение". - 1954. - № 33-36), "Ванька Вьюга" ("Возрождение". - 1955. - № 37-41), "Овечья лужа" ("Грани". - 1952. - № 6), "Кудеяров дуб" ("Грани". - 1956. - № 6; 1958. - № 37), "Хорунжий

Вакуленко" ("Грани". - 1959. - № 42; повесть не завершена, посмертно опубликованы отрывки).

Автору удаются характеры сельских интеллигентов (учительница Клавдия Изотиковна - тетя Клодя; молоденькая девушка с ее внезапной любовью к немцу Августу Вертеру; священник о.Иван). Сложно и правдиво изображены немцы (даже лучшие из которых не могут понять русский национальный характер). Трагично и ярко нарисован Иван Евстигнеевич Вьюга с его утопической идеей создания исключительно национального движения, равно противостоящего сталинизму и фашизму.

Значительно меньше удалась писателю образы доцента Всеволода Сергеевича Брянцева, тоже выбравшего путь "между звездами" и юного Миши Вакуленко - своего рода антипода фадеевским молодогвардейцам, ставшего активным борцом с советской системой и пропагандистом "нового порядка". Эти характеры нельзя назвать творческой удачей Б.Ширяева - во всей сложности проблему взаимоотношений русских людей с немецкими оккупантами ему раскрыть не удалось. С этой точки зрения проза Ширяева значительно проигрывает по сравнению с книгами Л.Ржевского и написанным уже в наше время романом Г.Владимова "Генерал и его армия". Явным творческим просчетом писателя стали карикатурные портреты комсомольцев и коммунистов.

Умение, рисуя повседневность, погрузиться в вечные проблемы, показать борьбу добра и зла, утвердить веру в победу нравственности и духовности, в обретение человеческой общности (соборности) пронизывает творчество одного из лучших прозаиков "второй волны" - Николая Нарокова (псевдоним Николая Владимировича Марченко, 1887-1969), эмигрировавшего в 1944 г. в Германию; откуда в 50-м переехал в Америку. Перу Н.Нарокова принадлежат три романа: "Мнимые величины" (1952), "Никуда" (1961) и "Могу!" (1965).

В основе "Мнимых величин" и "Могу!" лежит полудетективный сюжет, тайна, позволяющие заострить столкновение морали и

безнравственности, выяснить, любовь или жажда власти правит миром. Сложная система образов-зеркал помогает писателю выявить нюансы нравственных споров, придает романам многогранность и психологическую глубину. Этому же способствуют широко вводимые в ткань повествования описания снов персонажей, символические притчи, рассказываемые героями, воспоминания об их детстве, оценка способности или неспособности воспринимать красоту природы. В 1990-1991 гг. романы "Мнимые величины" и "Могу!" были изданы на родине.

Другим крупнейшим прозаиком "второй волны" является Леонид Ржевский (Сурожевский) (1905-1986), в годы войны оказавшийся в немецком плену и оставшийся сначала в Германии; затем он жил в Швеции и, наконец, с 1963 г. - в США.

Здесь им написаны романы "Две строчки времени" (1976), "Дина" (1979), "Бунт подсолнечника" (1981) и завершена повесть "Звездопад" (1963-1983).

Л.Ржевский написал несколько литературоведческих книг: "Прочтение творческого слова: Литературоведческие проблемы и анализы" (1970), "Творец и подвиг" об А.Солженицыне и "Три темы по Достоевскому" (обе - 1972), "К вершинам творческого слова: Литературоведческие статьи и отклики" (1990).

Начиная с повести "Девушка из бункера" писатель постоянно возвращается к теме войны и плена (рассказ "Клим и Панночка", повесть "...показавшему нам свет" и др.). Характерно, что во всех этих произведениях появляется тема Бога.

Из повести в повесть переходит характерная для писателей "второй волны" тема репрессий 20-40-х годов в СССР и порожденного ими страха. Страх удерживает героя "Сентиментальной повести" выступить в защиту своего учителя - талантливого лингвиста. Страх заставляет молодого писателя из повести "Двое на камне" исказить правду жизни и подменять сцену ареста отца любимой девушки его болезнью, а свои и ее терзания изображать как проявление недостойной советского человека рефлексии и индивидуализма.

Страх за мать и понимание своей беззащитности толкают героиню повести "Сольфо Миредо", носящую чеховское имя Мисюль, в объятия пьяницы и насильника. Арест родителей возлюбленной и стремление спасти ее толкает рассказчика на компромисс с НКВД и своей совестью ("Две строчки времени" и "За околицей"). Боязнь приводит героиню романа "Дина" к сотрудничеству с органами. Страх за Таню вынуждает героя "Звездопада" пойти на страшную ложь во спасение.

Однако общность тематики и характерологии персонажей Л.Ржевского и других прозаиков второй волны не лишает произведения писателя глубокой индивидуальности. Этому, в первую очередь, способствует автобиографизм повествования, придающий ему особый лиризм (это свойство стиля писателя проявилось еще в "Сентиментальной повести" и повести "Двое на камне").

Во всех произведениях Л.Ржевского непременно присутствует тема преобразующей любви. Чувство любви, по Ржевскому, не знает возрастного предела. Пожилой художник, герой романа "Дина", ощущает прилив творческих и физических сил, встретившись с молоденькой русской эмигранткой Диной. Впрочем, и ее воскрешает к новой жизни перерастающее в любовь общение с духовно богатым человеком, каким является рассказчик - художник Пьер-Петр Петрович. Как говорит одна из героинь романа, "радиация добра оказалась сильнее радиации ненависти". Как это часто бывает в финалах произведений Л.Ржевского, герои расстаются. Может быть, ненадолго, может быть - навсегда. Но в сознании рассказчика последняя встреча с воскресшей к новой жизни Диной становится сакральной. Минуты молчания рассказчик воспринимает как разговор, но не друг с другом, "а с неким - Третьим, в руках которого триптих времени, наше вчера, сегодня и завтра".

Встреча времен и вечность чувств составляют и содержание романа "Две строчки времени" (1976). Роман этот с образом мятущейся героини лишь завершает галерею русских персонажей писателя, порой мучительно, порой трагикомично ищущих и не

находящих свое место в жизни. Та же тема развивается в рассказах "Полдюжины талантов" (1958), "Через пролив" (1961), "Малиновое варенье", в повести "Паренек из Москвы" (1957) и романе "Бунт подсолнечника" (1981).

Чувство определенности, которого так часто не хватает персонажам Л.Ржевского, в избытке у рассказчика. Именно это обстоятельство позволяет говорить о функциональной роли повествователя, предельно сближенного с автором. В поздней прозе писателя это "задумчивый старикан" (такое название носит завершающий книгу "За околицей" рассказ), философ-созерцатель, с высоты прожитой жизни и перед лицом мудрой старости (постоянная тема последних произведений писателя) чувствующий ответственность за судьбу окружающих его людей и - шире - за судьбу будущего.

Литературное образование наложило особый оттенок интеллигентности на все произведения писателя. Ржевский охотно использует эпиграфы (цитаты из Овидия, Пушкина и Батюшкова, Бунина и Волошина, из современных авторов). Его персонажи часто вспоминают те или иные произведения русской классической литературы. В тексты вводятся скрытые или прямые цитаты, в том числе поэтические. Иногда стихи принадлежат самому писателю, чаще - другим авторам. При этом щепетильность литературоведа заставляет Ржевского всякий раз указывать автора тех или иных строк.

В прозе Ржевского последних лет рассказчик все чаще непосредственно обращается к читателю, вводит его в тайны писательского мастерства, рассуждает (но не морализует), отвлекается, использует притчевое повествование. При этом писатель склонен гармонизировать жизнь, принимать ее сложность и неоднозначность.

Мы лишь бегло рассказали о неизведанном материке русской литературы "второй волны" русской эмиграции, но и из сказанного видно, что нельзя говорить о падении или измельчении литературы

русского зарубежья в 40-50-е годы. Она составляла достойную конкуренцию весьма небогатой на шедевры литературе метрополии тех же лет, литературы, обедненной в угоду партийной идеологии послевоенными постановлениями ЦК ВКП(б) по вопросам искусства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Агеносов В В Идеалы "серебряного" и фантомы "железного" XX века в литературе русского зарубежья [О М Осоргине и Н Нарокове] // В поисках истины Лит сб в честь 80-летия проф С И Шешукова - М, 1993 - С 75-81
- 2 Агеносов В В Соотношение отечественной культуры и культуры русского зарубежья // Культурология сегодня Основы Проблемы Перспективы - М, 1993 - С 111-117
- 3 Агеносов В В "Чтоб плыть и плыть, захлебываясь в звездах" Николай Моршен (Марченко) // Социальные и гуманитарные науки Зарубежная литература Сер 7 Литературоведение РЖ - М, 1995 - № 4 - С 102-115
- 4 Большухин Ю Обретшие слово // Литературное зарубежье Сборник-антология - Мюнхен, 1958 - С 339-354
- 5 Вайль И Николай Моршен и мы, или Ритм и стих (О книге "Эхо и зеркало") // Новый журнал - Нью-Йорк, 1986 - № 165 - С 207-231
- 6 Витковский Е Дань живым // Новый мир - М, 1989 - № 9 - С 59
- 7 Глэд Дж Беседы в изгнании Рус литературное зарубежье - М, 1991 - 320 с
- 8 Гранин Д Слово о поэте [И Елагине] // Нева - Л, 1988 - № 8 - С 105-106
- 9 Ильинский О Дмитрий Кленовский Почерком поэта // Новый журнал - Нью-Йорк, 1970 - № 88 - С 289-291
- 10 Казак В Лексикон русской литературы XX века - М, 1996 - 492 с
- 11 Леонидов В, Агеносов В Иван Елагин // Русская литература XX века Учебник для 11 класса - М, 1996 - Ч 2 - С 110-122
- 12 Нарцисов Б Под знаком дифференциала Поэзия Н Моршена // Новый журнал - Нью-Йорк, 1979 - № 125 - С 135-144
- 13 Одоевцева И Рец Синкевич В Огни // Новое русское слово - Берлин, 1973 - 19 дек
- 14 Офросимов Ю Рифмованные догадки О поэзии Д Кленовского // Новый журнал - Нью-Йорк, 1967 - № 88 - С 114-124
- 15 Перелешин В Залетная душа // Грани - Мюнхен, 1970 - № 78 - С 241-247
- 16 Ржевский Л К вершинам творческого с юва Литературоведческие статьи и отклики - Norwich University Press (USA), 1990 - С 231-237

-
- 17 Самарин В Литературные заметки К 5-летию со дня кончины Н В Нарокова // Новое русское слово - Берлин, 1974 - 20 окт
- 18 Синкевич В Последние дни Ивана Елагина // Новый мир - М, 1990 - № 3 - С 190-192
- 19 Ульянов Н Д Кленовский // Новый журнал - Нью-Йорк, 1960 - № 59 - С 121-126
- 20 Штейн Э Поэзия русского рассеяния, 1920-1977 - Ashford Conn (USA), 1978 - 182 с
- 21 Handbook of Russian Literature / Ed by Terras Victor - New Haven, London Yale Univ Press, 1985 - 558p
- 22 The Bitter Air of Exile Russian Writers in the West 1922-1972 / Ed by Karlinsky S, Appel A - Berkeley - Los-Angeles, London Univ of California press, 1973 - 473 p

В.В.Агеносов